

Насм
езжает
на север

Если честно, я как-то до последнего момента не верил, что Настя переедет.

Она давно начала эти разговоры, но ведь просто говорить — одно, а взять и переехать на другой конец Москвы — совсем другое. Я ещё помнил, как мы с мамой, папой и Серёжкой в прошлом году долго решались на переезд, собирались, переживали. Чуть ли не целый год мы готовились к нему!

— Там уже почти закончился ремонт. Мы ведь тут временно жили, у бабушки. Ждали, пока ремонт закончат. И вот!

Настя говорила воодушевлённо, она совсем не грустила, даже радовалась, что возвращается домой.

— Но это ведь север! Придётся идти в новую школу...

— Там рядом с домом есть музыкальный колледж. Я давно туда хочу. Нужно только сдать экзамены.

— А как же английский, французский, как же твоя музыкальная школа здесь?

«Как же я?» — хотелось добавить, но промолчал.

— По английскому мне обещали найти преподавателя. Французский попробую продолжать учить сама. Зато там музыкальные спектакли! И не нужно специально ходить на фортепиано или хор — всё в одном месте. И там мои подружки. Если по кому я здесь и буду скучать, так это... — Настя замолчала и улыбнулась особенной, смущённой улыбкой.

Я понял.

— Ну это же всё нескоро? Пока вы соберётесь, пока ты сдашь экзамены...

— К ноябрю должны переехать.

Настя поджала губы и стала ворошить палочкой разноцветные листья.

После школы мы пошли прогуляться и застряли на детской площадке.

Настя любит качаться на качелях, как маленькая. А мне нравится, как разлетаются её волосы, когда она взмывает вверх, отчаянно отталкиваясь от воздуха скрещёнными ногами.

— Иногда я прихожу сюда вечером, когда нет никого из малышей. Можно слушать музыку в наушниках, раскачиваться сильно-сильно и представлять себя в разных интересных местах. Например, как будто я выступаю на сцене, пою эту самую песню, которая звучит в наушниках, а все восхищаются, как это я здорово пою, — говорила Настя.

В тот последний день перед Настиним отъездом мы гуляли долго, я пропустил сольфеджио, свой любимый предмет, а Настя не пошла на танцы. Сели на широкие качели вдвоём и качались, молча глядя в разные стороны. Плечом я чувствовал Настино плечо, чуть выше моего, Настя вообще меня чуть выше. Её волосы пахли мёдом.

— Ну вот и всё, — сказала она, когда мы расходились по домам.

Мне вдруг стало так же грустно, как было, когда я сам переезжал из старой квартиры в новую.

— Север Москвы — это же не Северный полюс, мы будем видеться! В конце концов, есть телефон, есть мессенджеры, — я говорил, а сам не очень-то верил. Ни разу в жизни я не ездил без родителей дальше бабули и музыкальной школы. Я знал только этот маршрут, и вряд ли меня отпустили бы куда-то ещё. На телефонные звонки времени никогда не было, я звонил одноклассникам

только для того, чтобы узнать домашнее задание. А мессенджеры — у меня не было привычки с кем-то переписываться.

— Да ладно, вряд ли мы будем часто видеться, — будто прочитала мои мысли Настя. — У тебя и так-то на меня никогда нет времени.

Она говорила без тени обиды, отчего мне стало совсем стыдно.

— Что-нибудь придумаем! — тихо ответил я, не представляя, что тут вообще можно придумать. Север Москвы — тот же Северный полюс, когда тебе двенадцать, и твой лучший друг уезжает на север, и больше вы никогда не будете сидеть за одной партой.

По дороге домой я вспоминал всякие мелочи про нас с Настей. Как она всегда приносила в школу два яблока, для себя и для меня, как мы писали друг другу записки и рисовали смешные картинки в толстом Настинном блокноте, который она завела специально для этой переписки, как вместе делали уроки на светлой Настинной кухне. Как когда-то мы с плачущим Серёжкой в первый раз напросились к ней в гости. Я вспоминал тот день, когда мы с Настей купили торт, чтобы помирить моих родителей. День, когда мне казалось, что мы будем дружить всегда.

Перед сном я по привычке подошёл к выключателю, чтобы подмигнуть Насте своим окном.

Я нажал трижды. Свет погас, загорелся и снова погас. Но Настя не ответила. Её окно оставалось тёмным. Наверное, она раньше легла спать, чтобы хорошо отдохнуть перед переездом.

Значит, теперь это будет чужое окно. Ничего, что-нибудь придумаем.

* * *

Настя, как обычно, оказалась права.

За прошедшие после её переезда две недели я позвонил всего раз.

О том, что надо бы позвонить, дважды напомнила мама.

Дело не в том, что я не скучал по Насте, а в том, что слышать её голос по телефону — это совсем не то же самое, что видеть её каждый день. Я вообще теряюсь, когда нужно кому-то звонить. Когда не видишь человека — как с ним говорить? Нет, если по делу — тут всё понятно. Можно спросить, что задали по математике, или уточнить время репетиции. Но вот так просто позвонить...

Больше всего я боялся, что говорить нам станет не о чем. Впрочем, так оно и вышло. Я специально позвонил поздно вечером, надеясь, что Настя уже спит и не сможет от-

ветить. Но она сразу взяла трубку. Я задал все вопросы, которые нужно было задать: про новую школу (конечно, Настя легко сдала все экзамены и ей уже дали роль в спектакле про Золушку), про квартиру (её комнату прекрасно отремонтировали, и теперь там было огромное зеркало, у которого очень удобно экспериментировать с макияжем), про сестру (её записали в старшую группу детского садика неподалёку от Настиного колледжа). Настя тоже задавала вопросы, я отвечал про экзамен по фоно (сдал на пятёрку), про осенний концерт в музыкальной школе (отлично выступил), про учёбу (одни пятёрки). Вопросы закончились, и повисла тишина. Именно этой тишины я больше всего боялся.

На все вопросы Настя отвечала как-то отстранённо, слишком бодро, что ли. Как будто новая жизнь гораздо лучше старой, той, в которой мы с Настей были вместе. Это было по-настоящему обидно.

Я тоже бодрился, и голос мой звучал как-то неестественно.

— А друзья у тебя появились? — спросил я наконец.

— Конечно, у меня тут новая лучшая подруга и новый парень. Я с ним иногда езжу в школу на мотоцикле. То есть он мотоциклист, иногда меня подвозит.

— И бабушка тебя отпускает? — удивился я.

Настина бабушка почти никуда не отпускала её одну, и мне поэтому казалось, что она вряд ли радостно махала вслед внучке, уезжающей на мотоцикле в школу... К тому же в ноябре...

— Конечно. Он очень надёжный парень! — Настин голос звучал довольно уверенно.

— А как его зовут?

Настя ответила не сразу, и мне показалось, что этого парня на мотоцикле она придумала специально, чтобы меня позлить.

— Федя.

— Отличное имя. Федя, — повторил я. — Ну ты там осторожнее, всё-таки зима скоро, на мотоциклах уже мало кто ездит...

— Я осторожна. И у Феди есть для меня шлем.

Я не знал, о чём ещё говорить, и сделал вид, что меня зовёт мама. Получался не разговор, а какое-то сплошное хвастовство: у меня всё хорошо, а у меня ещё лучше. И этот Федя на мотоцикле меня сильно расстроил. Не то чтобы я хотел катать Настю на мотоцикле. Да и я никогда не был Настиним парнем. Мы ведь даже не поцеловались ни разу. Но что-то очень обидное было в этой истории. Как будто, будь у меня мотоцикл и два шлема, Настя не переехала бы на север и всё было бы как раньше.

Я представлял себе этого наглого, крутого такого Федю и думал о том, как ему, должно быть, весело гулять с Настей после школы и, наверное, теперь она ему приносит второе яблоко.

Или даже переписывается с ним в своём блокноте.

